

Леонид Павлючик

Художник и власть

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ, в своем письме к Пересу де Куэльяру, опубликованном за два дня до трагических событий, вы призывали к бескровному, ненасильственному разрешению этого острейшего политического конфликта. Ваш голос, как и голоса многих других миротворцев, политиков услышан не был... Как вы оцениваете сегодня произошедшие события?

— По-моему, двух мнений тут быть не может: произошла страшная, кровавая национальная трагедия, не виновных в которой среди политиков, на мой взгляд, нет.

Винават ли в случившемся Рудкой? Безусловно. Оправдать его действия ничто не может. Хотя, скажу честно, многое в его поведении, поступках в трагические часы мне неясно. Дело в том, что я слышал не одно его высказывание с резким осуждением большевизма, ставшего источником неисчислимых бед России. И говорилось это не на митинге, не в

никто нам не дает. Не фарисейство ли это, не цинизм ли «победителей», для которых произошедшее не стало пережитым, осмысленным уроком?

Но, впрочем, виноваты в случившемся не только политики. Вспомните, разве обращения творческих союзов к президенту накануне и после трагических событий с требованием «раздавить гадину» ничего нам не напоминают? Разве толпы зрителей, которые с детьми и болонками пришли посмотреть на показательный расстрел сограждан, никаких ассоциаций не вызывают в памяти? Разве ситуация, когда Римма Казакова за ночь пишет стихотворение, в потном утаре вдохновения рифмуя «убийцы-партийцы», не воскрешает перед нашими очами скорбный облик тех павших, что обслуживали тоталитарный режим со всей мощью творческого самоотречения?

— **Никита Сергеевич, помните библейское: не судите, да не судимы будете?**

— То есть имею ли я право задавать подобные вопросы? Думаю, что да. Хотя бы потому, что я никогда не состоял, не «служил» ни в одной партии, не сделал ни одного фильма — хорошего ли, плохого, — работающего на идеологическую машину. Я имею,

сoten людей? Тем трагичнее было мое положение, которого я бы врагу пережить не пожелал. Рваться душой в Москву — а здесь каждый день выходит на съемочную площадку, снимать положенные метры, стараясь ни в чем не давать себе поблажек...

И все же: на чьей стороне я бы был? Уж, разумеется, под красными флагами и под портретами Сталина я бы не пошел никуда ни за что на свете. Но и Рудкого бы не бросил. Во всяком случае, не принимал бы участия в его выкуривании. Другое дело, что всеми силами пытался бы отговаривать его от применения силы, оружия. Сумел бы? Не знаю. Но я бы постарался это сделать. И не потому, что имею какие-либо политические амбиции, а просто потому, что люблю этого искреннего, во многом наивного, но хорошего и живого человека, отношение к которому у меня никогда не зависело от занимаемой Рудким должности.

Ему незачем было лукавить со мной, и потому я уверенно могу сказать, что он глубоко переживал происходящее: развал великой некогда державы, экономическую разруху, массовое обнищание народа. Глубокий ли он политик? Нет. Мог ли он им стать? Наверное, если бы учился (в том

кормушки. И вдруг однажды объявили себя демократами. То есть уснули красными, а проснулись уже трехцветными. Ну как я мог такому стремительному превращению поверить? Поэтому еще в августе 91-го я знал и, кстати, говорил: это все тот же большевизм, только иной раскраски.

Разве нет? В 1917 году большевики уничтожили, выгнали из России цвет национальной интеллигенции, разрушили традиции, культуру, взорвали уклад жизни великой страны.

Чем отличались новые большевики? Они погнали старых, справедливо обвиняя их во всех перечисленных выше преступлениях, но сами-то только и сделали, что сели на нагретые места, а сев, тут же забыли обо всем, кроме себя. Разве они восстановили справедливость? Разве приняли на свою совесть бремя греха и стыда за то, что было сделано с Россией? Разве прислушались сердцем к ее чаяниям и мечтам? Нет, не случилось этого. Только на то и хватило их: часть улиц обратно переименовать да, подчиняясь моде, тупо стоять со свечками во

мократических завоеваний» в искусстве?

— Я могу назвать много достойных произведений...

— Тогда задам еще один вопрос: а они останутся в истории нашей культуры? Вот фильм Сергея Бондарчука «Судьба человека» останется. Голос Шалапина останется. Полотно Аркадия Пластова останутся. А от Александра Иванова не останется ничего, ибо его рифмы подобны плесени, которая вырастает, к примеру, на подгнившей краюшке хлеба...

А что сделано новыми большевиками в экономике, что построено ими? Посмотрите рекламу приватизации. Акции по телевидению. Чем предлагают владеть акционерам? Да только тем, что было сделано до них другими, по сути теми, кого они погнали. Я уже не говорю о запущенной социальной сфере, размахе преступности, казнокрадства, которых в таких масштабах никогда не было на Руси. Вот и приходишь к выводу: нам не надо изобретать ничего нового, надо отмыть старое и проложить дороги...

Никита МИХАЛКОВ: «НЕ НАДО ИЗОБРЕТАТЬ НОВОЕ. НАДО ОТМЫТЬ СТАРОЕ»

Страну продолжает пучить...

Судьба была немилосердной (а может, думаю я, напротив, великодушной?) к Никите Михалкову в те роковые дни и ночи, когда народ наш второй раз за последние два года опять сошелся на баррикадах. Михалков не мог отлучиться ни на день из-под Нижнего Новгорода, где в лихорадочном режиме снимал — и снимает по сей день — новую картину под названием «Безусловный эффект шаровой молнии». Попав недавно в те края, я не мог не заехать на съемочную площадку, чтобы узнать, что чувствует, что думает о последних событиях Никита Михалков — пожалуй, один из самых знаменитых и в то же время — хотя бы в силу дружбы с Рудкиным — самый, неверное, «опальный» человек в мире кино...

утоду сиюминутной политической конъюнктуры, а в личных, очень откровенных беседах. Не надо забывать к тому же, что Рудкой — едва ли не единственный из политиков, который не вышел гордо из партии, когда это было уже вполне безопасно, а был исключен из нее агрессивным большинством. И в этом смысле союз Рудкого с Анпиловым, Макашовым для меня странен, страшен и необъясним: Как необъяснимы призывы вооружаться, брать штурмом мэрию, «Останкино»... Как это могло случиться, почему? Наверняка на эти вопросы есть ответы, и я надеюсь, что со временем мы их получим.

Но, впрочем, возникают ведь и совсем другие вопросы. Например, такие: почему бездействовала армия в течение четырех часов, прошедших между призывом брать «Останкино» и самим штурмом? Почему правительство, обнародовав указ о чрезвычайном положении, не спешило ввести в действие механизм его исполнения? Зададим и такие неудобные вопросы: а разве не обещал нам президент «горячей осени»? Разве не обещал он накануне трагических событий войска — притом те самые, которые привлекаются в подобных ситуациях? И еще. Вместе с известными диссидентами Владимиром Максимовым, Андреем Синявским и Петром Егидесом, выступившими на днях в «Независимой газете», напомним, что «трагедия началась с президентского указа, и спросим хотя бы себя: неужели глава государства настолько близорук, что не мог рассчитать последствия, когда нарушал закон, по которому стал президентом? И каков в этих событиях процент президентской близорукости, а каков — расчета? Но не называйте ли такой расчет провокацией?»

Поскольку вопросы эти в общем-то риторического свойства, я и не испытываю сегодня «радости победы».

— **Что ж, ваши оценки откровенны, определены, хотя и крайне, как мне кажется, субъективны. Каков же будет ваш прогноз развития ситуации?**

— Не очень оптимистичный. Напомню из истории, что для большевиков убийство царской семьи стало поводом не останавливаться ни перед какими нравственными преградами. Если «убрали» царя, царшу, детей, прислугу, то что после этого могла значить травля Шалапина, Рахманинова, Бунина, что там судьба каких-то философов, которых — слава Богу — догадались не расстрелять, а «всего лишь» депортировать в другие страны.

Мне кажется, что новые большевики, с крестовосной, расчетливо-безнаказанной жестокостью расстреляв парламент, пролив в огромных количествах кровь (в том числе и совершенно невинных людей, оказавшихся в Белом доме случайно), вкусив сладость цензурных ограничений, запретив накануне выборов многие оппозиционные партии, должны будут и дальше действовать согласно уже укоренившейся логике. А выглядит сегодня она так: если «революционная целесообразность» диктует разогнать парламент, но этому мешает Конституция, значит, можно ее отменить — как сталинскую и брежневскую. Но если надо ввести цензуру, то та же сталинская Конституция для этого, оказываясь, вполне пригодна...

Опять же никаких гарантий, что новый парламент, если, паче чаяния, он окажется несовокупным, не будет разогнан снова,

надеюсь, право говорить так еще и потому, что с отвращением относился и отношусь к анпиловым, макашовым, к их фанатичному кликушеству. Хоть на минуту представить, что они взяли бы власть в стране, — уже от одного этого мороз по коже идет. Но точно с такой же безразличностью вззираю я и на фанатизм демократов, бескультурье которых в отношениях с нормальной, здоровой оппозицией тоже послужило источником трагедии. Порой меня посещает и вовсе крамольная мысль, что если бы макашовых и анпиловых не было, то команде реформистов было бы необходимо их выдумать и материализовать, потому что именно они истерическим кликушеством помогают стереть грани между истинным патриотизмом и коммунистической вакханалией.

— **Можно было бы принять эту позицию, если бы она не была уязвимой в глазах общественности хотя бы по такой причине: всем известна ваша дружба с Рудкиным. Теперь, когда он сидит в Лефортове, приходится читать в газетах, что именно Никита Михалков, художник с мировым именем, вскормил непомерные амбиции Рудкого, именно он подталкивал последнего к решительной борьбе за президентское кресло...**

— Теперь можно написать что угодно: что я, например, изнасиловал малолетнего бычка. Или что я — цитирую по памяти — опол отравительным идеологическим пойлом, заставлял читать реакцию философ Ильина. Улавливаете терминологию?

Потому что все эти услужливые журналисты пишут в своих суеусливо-наглых изданиях, что я призывал Рудкого к вооруженному восстанию, что я примерял к его голове президентский венец, то это обыкновенная заказная чушь, которую и опровергать бессмысленно.

Вот когда, скажем, газета «Правда» печатает мою фамилию под коллективным письмом, которое я не только не подписывал, но даже не читал, — приходится это моментально опровергать как пошлый подлог, как фальсификацию. Но обращать внимание на сомнительных авторов и авторесс, ведущих со мной нечистоплотную игру? Увольте. Я нормальный человек, у которого есть свое дело, мысли, семья, надежды, вера, и потому интеллектуальная мастурбация леночек сорочинных и других, жаждущих — как говаривал классик — «фигурировать любой ценой», мне не интересна.

Еще более странным было бы защищать от наскаков агрессивных невежд философа Ивана Ильина. Слава Богу, он великий человек и в моей поддержке не нуждается. Тем более, что в его трудах есть удивительная прозорливость: он практически заглянул на пятьдесят лет вперед и описал то, что сегодня у нас происходит. Желающие могут прочитать и сравнить.

Нуждается ли в защите Рудкой, коль скоро опять мы вернулись к его фигуре?

Меня часто спрашивают сегодня, что бы я делал, как бы вел себя, окажись в те трагические дни в Москве? К слову говоря, я действительно не мог вырваться из Нижнего Новгорода на день, на подвиз. На дворе уже глубокая осень, а по сценарию у меня — жаркий летний день, девочка шестилетняя, которую играет моя дочь, ходит по двору босиком... мог ли я остановить съемки и тем самым практически погубить картину, вложенный в нее труд

числе и на трудах Ильина), если бы набирался опыта и терпения не только слушать, но и слышать мир вокруг себя.

Уверен: меньше всего в событиях последних месяцев им руководило честолюбие, все-таки он в первую очередь человек убежденный, человек офицерской чести. Я склонен предполагать, что Рудкой во многом стал заложником и ситуации, и своего характера — горячего и импульсивного. История знает такие примеры, когда в той или иной политической борьбе ставка делается и на личные качества человека, через которые он не может перешагнуть. Вспомните хотя бы гибель А.С.Грибоедова, российского посла в Тегеране, — это таинственное, тончайшее рассчитанное политическое убийство невозможно по отношению к человеку с другим характером.

— **Не буду тревожить тень великого писателя, но офицерская честь, как мне кажется, диктовала Рудкому иной выход из кровавой драмы, одним из безусловных виновников которой он стал...**

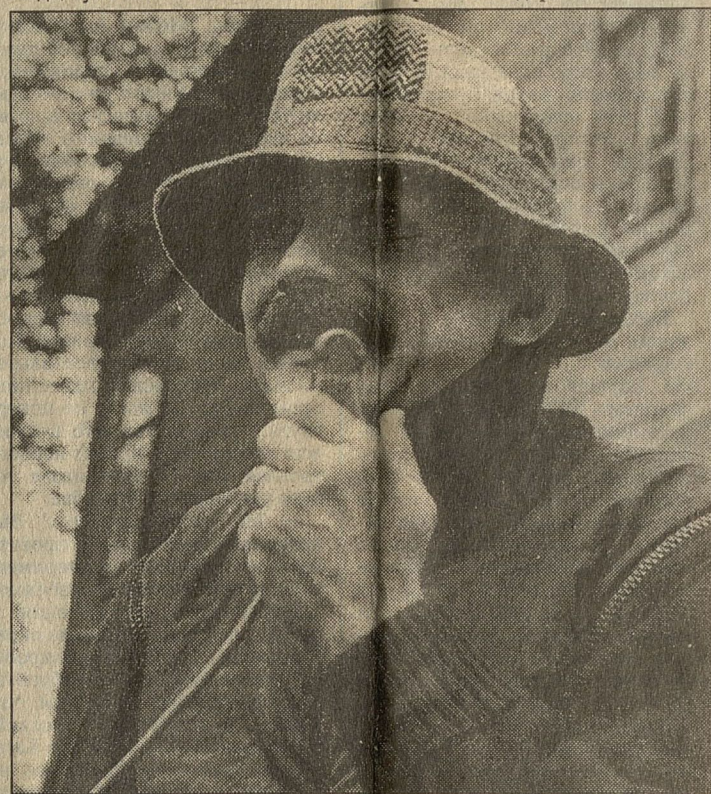
— Вот именно: «одним из»... Но есть ведь и другие. В том числе и среди тех, кто будет его судить.

А кроме того, справедлива, наверное, и такая парадоксальная постановка вопроса: а почему ничего не сделали с собой люди, которые всю свою жизнь положили на благо процветания социалистического общества? Почему генерал Калугин, присягнувший на верность советской власти, замечательно себя чувствует, с легкостью необыкновенной изменив этой присяге? Отчего не заливается краской стыда, не накладывает на себя руки та часть интеллигенции, для которой исполнить роль Ленина или спеть песню о великой партии пред светлыми очами товарища генерального секретаря было не только печальной необходимостью, но и восторгом личной победы?

Возвращаясь к Рудкому, могу сказать: конечно, смерть с оружием в руках — эффектная вещь, но уж слишком многих людей она бы удовлетворила...

— **Допустим. Хотя самого Рудкого, я считаю, чужая вина оправдать не сможет. Но перейдем к другой теме. Сейчас я хочу вернуться на два года назад, в август 91-го, когда Никита Михалков вместе с другими представителями интеллигенции примчался защищать Белый дом в дни первого путча. Тогда вы, помнится, стояли на одном помосте вместе с теми же Рудкиным, Хасбулатовым, но и с Ельциным, Бурбулисом, Грачевым — командой нынешних реформаторов, к которой вы сегодня столь критичны. Что произошло за эти два года: поменялись ли ваши убеждения или поменялись люди, пришедшие тогда к власти?**

— Ни то, ни другое. Да, я пришел тогда в Белый дом, но отнюдь не для того, чтобы защищать так называемую демократию, ибо не верил в те дни и не верю сейчас искренности большинства самих нынешних демократов. Откуда они, извините, взялись? С Луны свалились? Из цивилизованной, имеющей глубокий опыт парламентаризма Англии приехали? Из подвалов диссидентских на свет вышли? Нет. Это все те же большевики, которые по многу лет сидели в окопах, райкомах, центральных комитетах, преподавали научный коммунизм, как Бурбулис, предавали анафеме капитализм, как Костиков, восхваляли в бездарных виршах Брежнева, как Коротич... Одним словом, замечательно кормились из партийной

РИА-фото.

время освящения продуктовых магазинов, ни слова не понимая из того, что говорит священник.

Другое дело, что новый большевизм был до недавнего времени более либерален, что ли, по сравнению с большевизмом классическим. Но долго ли удалось в этой видимости свободы нам пожить? Вот уж и кончилась она, как показали октябрьские и последующие события. Большевикие методы живут и побеждают.

Можно ли было избежать неомошевицкого синдрома? Думаю, что нет — ни народ, ни сами демократы к подлинной демократии оказались не готовы. Вот почему страну продолжает пучить...

— **Печальную и, думаю, все же не беспристрастную картину вы нам нарисовали... Скажите, а вас никогда не смущало, что творческие союзы, большинство крупных художников, писателей, режиссеров поддерживают президента и его курс, а вы чуть ли не в одиночку не поддерживаете?**

— Во-первых, уверен, все-таки не в одиночку. А во-вторых, так уж повелось в нашей стране, что правда всегда на стороне меньшинства, а не большинства. Поэтому я политическому хоровому пению не верю. Всеобщее единодушие меня как раз и настораживает. Все эти коллективные письма, митинги «в защиту демократии», в организации которых так преуспел наш творческий Союз кинематографистов.

А что его лидеры так радуют, вдохновляет в сегодняшней ситуации? Что хорошего произошло, например, в нашем кино с периода р-р-революционного пятого съезда кинематографистов? Какие плодотворные тенденции отечественного экрана получили развитие, какие выдающиеся фильмы были сняты? Что сделали лидеры «самого демократического союза» Элем Климов и Андрей Смирнов? Что снял за последние годы некогда попираемый и притесняемый Алексей Герман, который в суровых условиях «застоя» пару выдающихся картин так поставил? Чем блеснул Сергей Соловьев? Трилогией в стиле «марasmus», как он сам аттестовывал свои последние фильмы? Но будет ли он на смертном одре (дай Бог ему долгой жизни) вспоминать эти ленты как счастье, как чудо творчества, как наслаждение? Нет, думаю, вспомнит он «Егора Булычова», «Сто дней после детства», «Спасателя»... Тем более что, как мне показалось, и сам Сергей сегодня снова хочет двигаться к тому же ясному, поэтичному и живому.

А что написали хорошего за это время писатели? Настоящие писатели, а не лидер «демократической литературы» Александр Иванов, который стоит сегодня на всех митингах по правую руку от президента и который — вдумайтесь только! — свою известность приобрел на том, что всю жизнь дразнил плохих поэтов? И чем хуже была поэзия, тем лучше было ему самому.

Что поразительного, сносшибательного произошло в театре, в музыке, в живописи? Просто сняли с полок то, что было запрещено, разрешили то, что уже существовало. А что сделали сегодня, сейчас? Нет мне ответа... В чем же тогда креативность «де-

Но не идеологию социализма именно я в виду, говоря о старом, а то живое, естественное, основанное на исторических традициях и культурных корнях многих поколений живших до нас и называвших эту землю своей. В том числе и то доброе, неживое имею я в виду, что было создано уже при советской власти, все теми же нашими соотечественниками, которые даже в условиях тоталитарной несвободы смогли жить и радоваться созданному своими руками, ради своей, хоть и социалистической, Родины. И как бы наугад или, наоборот, вполне осознанно, зряче их экспериментировали реформаторы, как бы коллективно ни суеуслились в поисках нового вождельного кумира толпы интеллектуалов — истинная, сокровенная суть России в ее Вере, ее Надежде, ее Любви. И только те политики обретут силы и мудрость, которые поймут, почувствуют это душой, чья деятельность понастоящему будет, как ни банально это звучит, освящена любовью к людям. Не пребыванием в том или ином месте, когда там вспыхивает забастовка, или взрывается очередная шахта, или возникает необходимость заручиться поддержкой местной элиты, а сердечной, неотступной любовью к сирым бабам, надорвавшимся на строительстве социализма, к изнасилованным на войнах и трудовых битвах работягам-мужикам, юмноготерпеливой «разночинной» земской интеллигенции — ко всем людям земли нашей, которые заслужили лучшей участи, чем ту, что имеют сегодня. Но пока такого политика я на горизонте не вижу... Но он обязательно появится из тех, для кого Россия — не место прописки, а земля, которая называется Родиной.

— **И последний вопрос... Так уж получилось, что мы беседовали сегодня почти об одной политике. Но разговор у нас идет между тем на съемочной площадке. Я знаю, что у вас в работе находится сразу несколько фильмов. Скажите, то, о чем мы сегодня говорили, как-то сопрягается с тем, что вы снимаете? Или как в анекдоте: котлеты отдельно — мухи отдельно, творчество само по себе...**

— Я никогда не занимался кинематографом спекулятивным, торопливо-конъюнктурным. Поэтому лобового, зеркального отражения сегодняшних политических страстей в моих фильмах нет и не будет. Но в творческих импульсах, в образной энергии, в точке зрения на события давней и недавней российской истории много, о чем мы сегодня говорили, найдает, надеюсь, свое отражение. В большей мере это касается картины, которую я сейчас снимаю и которая рассказывает о кошмаре сталинизма, о репрессиях 1936 года. По ходу работы пришлось погружаться в эпоху, приоткрыть хронику того времени: потрошные речи Вышинского, всеобщее ликование, трогательное единомыслие... Очень много рождается аналогий, переключек, и это, конечно, печально...